

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ АЛИАГИ ШИХЛИНСКОГО

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 19.

26 января 1906 года подполковник Шихлинский был командирован в Офицерскую артиллерийскую школу стрельбы, которая располагалась в Царском селе под Петербургом. Алиага окончил курс подготовки командиров батарей на отлично и вернулся на службу в Одесский военный округ.

В конце года его опять направили в командировку в офицерскую школу, но теперь в качестве руководителя (преподавателя) по организации и правильному проведению стрельб в тактическом отношении. Проведя успешно курс занятий с партией офицеров, Шихлинский 22 сентября 1907 года продолжил свою армейскую службу, меняя её место: Одесса, Рига, Двинск.

В начале 1908 года Алиага предложил занять должность руководителя в офицерской школе штатно, на постоянной основе. Он согласился и, получив четырёхмесячный отпуск по болезни, 7 октября 1908 года выехал домой. Там он точно встретился с Нигяр-ханум, так как уже в этом году посвящал ей свои лирические стихи.

26 ноября 1908 года, в день празднования ордена святого Георгия Победоносца, Шихлинский был произведён в полковники и утверждён в должности штаб-офицера в артиллерийской школе в Царском селе.

Казалось бы, есть всё, для того, чтобы создать семью. Но Алиага опять рвется вперёд, даже вернулся из отпуска на 8 дней раньше. В ходе учебных стрельб он экспериментом придумал новый способ, который позволяет командиру дивизиона во время боя быстро передать цель командиру батареи. Это изобретение вошло в историю артиллерии, как «Треугольник Шихлинского», и применялось не только в русской, но и во французской и австрийской артиллерии. 30 июля 1909 года его назначили штаб-капитаном, заведующим курсом офицеров полевой отряда переменного состава школы.

27 октября 1909 года полковник Алиага Шихлинский, находясь с 12 сентября в отпуске по болезни в родных краях, наконец-то вступил в брак с Нигяр-ханум.

Арзу Джавид в своей лёгкой романтической повести «Про любовь» об этом моменте пишет так: «На сцену возвращается уже ставший генералом Алиага Шихлинский». Автор ошиблась, генерал-майора он получил только в 1913 году. А пога «на сцене» 46-летний «настоящий полковник» и красивая невеста 38 лет. Бракосочетание прошло в Тифлиской мечети Омарово учения. Записи в метрической книге мечети сделал мулла. Вполне возможно, что книга сохранилась в историческом архиве Грузии.

Алиага писал: «Эта перемена в моей жизни направила моё дальнейшее существование по светлему пути, не затемнявшемуся ни клочком облака в течение 22 лет нашей совместной жизни. Обладая от природы большими способностями, хорошо образованная, очень кроткого характера, жена моя была создана для семейного счастья, и этим счастьем я пользовался в полной мере».

Нигяр-ханум позже напишет, что она «старалась, чтобы её родной, возвратившись со службы, мог дома отдохнуть и физически, и духовно».

Напомним, чему её учили в Закавказском девичьем институте: «главное назначение женщины есть семейство: женщина, как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, что строгим лишь исполнением обязанностей семейных она упорит своё счастье и приобретёт любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно-го». Можно считать, что Нигяр-ханум справилась с рекомендациями на отлично не только теоретически, но и успешно применила их на практике.

12 ноября 1909 года Алиага вместе с женой вернулся к службе. Они поселились в Петербурге, в котором Нигяр-ханум была в первый раз. Впечатлений было много, но уже 4 августа 1910 года Шихлинского перевели командиром 1-го дивизиона 21-й артиллерийской бригады, дислоцированной во Владикавказе. Кроме основной деятельности, он читал лекции по артиллерии.

Там он встретился с генералом Алексеевым, командиром корпуса, в состав которого вошла эта бригада. Генерал знал Алиага по Маньчжурии и ценил его. Во Владикавказе Шихлинские пробыли один год и четыре месяца. За это время у Нигяр-ханум была возможность ближе познакомиться с жизнью жены военного человека. К концу 1911 года они вернулись в Петербург.

В январе 1912 года полковник Шихлинский был опять командирован в Офицерскую артиллерийскую школу в качестве и.о. старшего руководителя офицеров переменного состава школы, а 18 августа утверждён в этой должности.

На этот раз они поселились в Царском селе, где находилась Офицерская артиллерийская школа. Этот город являлся загородной царской резиденцией. Вторая часть города, возникшая по призыву Императрицы Екатерины II под названием «София», была заселена в основном военными.

Этот год Нигяр-ханум практически не видит своего дорогого супруга — он весь в работе: член разных комиссий по применению аэропланов на Сергеевском полигоне, участник испытаний боевого эффекта гранат с тротильным зарядом и пр. В 1912 году начал выходить ежемесячный «Вестник Офицерской артиллерийской школы», в первом номере которого А.Шихлинский публикует свою статью: «О стрельбе артиллерии через голову своих войск». Был издан конспект его лекций «Употребление полевой артиллерии в бою», что принесло большой доход школе, а Шихлинскому выплатили гонорар в размере 500 руб. золотом.

Ко всему, Алиага избрал председателем распорядительного комитета офицерского собрания, в котором была библиотека, столовая и бильярд. Согласно Уставу офицерского собрания школы, одной из его целей было устройство разлучения офицеров в свободное от службы время. Для этого в зале устраивались тан-

цевальные и музыкальные вечера, домашние спектакли и пр. Похоже, что Нигяр-ханум не только создавала уют и тепло в доме, но и помогала мужу в его общественной работе. С ней были знакомы многие его сослуживцы и успели отметить её образованность и высокую культуру общения.

1913 год был счастливым для семьи (а для Шихлинского вообще числа 13 и 26). 2 января 1913 года состоялось назначение Алиага Шихлинского помощником начальника школы. В связи с этим поступило большое количество поздравлений не только от артиллеристов России. Поздравляли не только лично Алиага, но и «русскую артиллерию» в целом. В феврале ему предоставили право на ношение светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых.

29 мая в Царскоесельском Александровском дворце, офицеры, окончившие курс обучения в артиллерийской школе, «имели счастье» представлять Императору Николаю II. В зале дворца присутствовали Августейший Генерал-Инспектор артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович, военный министр генерал-адъютант В.А.Сухомлинов, начальник Главного артиллерийского управления генерал от артиллерии Кузьмин-Караваев. Был приглашён и руководитель курса полковник Шихлинский.

14 апреля 1913 года (а не 1912), в день пасхи, он был произведён в генерал-майора, со старшинством в чине со 2 января 1913 года. Это предпоследний чин в Русской армии, следующий генерал-лейтенант.

Летом артиллерийская школа под руководством генерал-инспектора артиллерии Великого Князя Сергея Михайловича, а также в присутствии 17 генералов и офицеров французской армии, возглавляемых начальником Французского генерального штаба Жоффром, провела демонстрацию различных видов стрельбы на полигоне. Эти стрельбы были

подготовлены и организованы Шихлинским.

Французы были поражены увиденным. А Шихлинский был награждён французским орденом Почётного Легиона. 13 сентября 1913 года ему разрешили носить генеральский крест ордена, а сам орден привёз в Россию в 1914 году Президент Франции Пуанкаре и передал его начальнику генерального штаба для вручения Шихлинскому.

Военный историк Шамистан Назирли, который много работал по этой теме в различных архивах, в своей книге рассказывает о том, как кто-то из французских, проходивший лагерьный сбор на полигоне, напросился в гости к Шихлинскому. Нужно отметить, что Алиага уже был радужным хозяином и хлебосолом. Теперь гостей встречала Нигяр-ханум горячим чаем и восточными сладостями. Благодаря её любезному приёму и радушному гостеприимству на встрече сложилась дружеская и непринуждённая атмосфера.

Так как Алиага не очень хорошо знал французский язык, Нигяр-ханум пришлось принять участие в разговорах мужчин. Французы наговорили Шихлинскому много комплиментов, которые Нигяр-ханум с удовольствием переводила, смущенно их изобилюя, мужу. Гости были поражены её французским и заинтересовались, как долго она жила в Париже. Нигяр-ханум с улыбкой ответила, что никогда не была во Франции и вообще никогда не выезжала за границу.

Ш.Назирли упоминает ещё один случай, когда Нигяр-ханум достаточно эффектно продемонстрировала своё знание языка. Об этом ему в 1985 году рассказал близкий родственник Гайбовых, Зильфугар. Дело было в 1900-е годы, когда Нигяр была уже Ханум и повседневно одевалась в соответствии с традициями и модой мусульманской женщины — покрытая тёмным платком голова, длинная до щиколоток юбка и

пр. Её вид в те годы представлен на фотографии 1.

Однажды Нигяр вместе со своей матерью Саадат-ханум ехала из селения Салахлы в Тифлис. На ж-д станции этот поезд вместе с ними ожидали двое французских, которые возвращались из Караежской степи (равнина на левом берегу Куры, на территории Газахского района).

Посмотрев на женщин, они восхитились красотой «турчанки» Нигяр, но не лестно отозвались об её одеянии. Саадат-ханум поняла, что иностранцы осуждают её дочь, и спросила об этом Нигяр. Та ответила, что они говорили что-то не очень хорошее об её одежде и о ней самой, но успокоила мать, сказав, что всё в порядке.

Они ехали в одном вагоне с иностранцами. Через некоторое время Нигяр, на своем прекрасном французском языке (которому её учили Начальница девичьего института Мария Васильевна и преподавательница Аделаида Михайловна Колубакина), обратилась к ним с вопросом: «Пожалуйста, не подкажете, когда поезд прибудет на станцию Нафтлуг?». Иностранцы так растерялись, что до самого Тифлиса (3 км) просили прощения у женщины.

А вот как этот, вполне правдоподобный случай сегодня излагает, проживающая в Америке, Арзуджаид: «Однажды Нигяр едет в офицерском поезде одна. В купе заходят офицеры и полковники. Увидев, как женщина читает Достоевского, они ехидно говорят на французском: «Эти чёрные считают знание русского языка гордостью для себя. Для них это — вершина науки». Нигяр ханум молчит. По прибытию на перроне они замечают генерала и в страхе понимают, что к чему. Нигяр ханум встаёт и говорит обидчикам на чистейшем французском языке (а она в своё время переводила поэзию Бодлера): «Господа офицеры, вы вели себя совсем не так, как подобает офицерам». И добавляет: «Этот разговор останется в купе. До свидания».

К сожалению, автор не указывает в какие годы это было или хотя бы, в какое время Нигяр переводила Бодлера... Так, просто придуманная, без знания вопроса, несимпатичная история. Во-первых, офицеры Российской Императорской армии жили в соответствии с Кодексом Чести. Они обязаны были вести себя благопристойно в светском обществе, и им запрещалось высказывать публично своё мнение о женщинах. Во-вторых, генерал Шихлинский не разрешил бы своей жене ехать одной в купе с мужчинами. В-третьих, Нигяр-ханум в России была уже взрослой и красивой дамой, чья внешность могла бы остановить даже невоспитанного человека.

Считаю, что в солидном журнале недопустимо публиковать такие провокационные материалы без ссылки на источник. К сожалению, именно эти строки о «чёрных», нашли широкое распространение в интернете.

Продолжение следует.

Тамара ГУМБАТОВА.

На сценке: Саадат-ханум и её дочь Алиага в соответствии с традициями и модой мусульманской женщины.